
фонд

либеральная

миссия

библиотека

фонда

либеральная

миссия

Мансур Олсон
Власть и процветание

НОВОЕИЗДАТЕЛЬСТВО

Mancur Olson
Power and Prosperity
Outgrowing Communist
and Capitalist Dictatorships

Basic Books

New York

Мансур Олсон
Власть и процветание
Перерастая коммунистические
и капиталистические диктатуры

фонд

либеральная

миссия

новое

издательство

УДК 316.75
ББК 71.4(2)
О-55

Серия основана в 2003 году

Перевод с английского Борис Пинскер

Редактор Юрий Кузнецов

Дизайн серии Анатолий Гусев

Публикуется с разрешения издательства Perseus Books, Inc (США)
и Агентства Александра Коржаневского (Россия)

Олсон М.

О-55 Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. — М.: Новое издательство, 2012. — 212 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).

ISBN 978-5-98379-168-8

Книга известного американского экономиста Мансура Олсона «Власть и процветание» посвящена экономическим механизмам власти: автор демонстрирует, каким образом демократическое правление приводит к возникновению устойчивой тенденции к росту производительности и ограничению вмешательства государства в экономику, а также прослеживает экономическую логику, лежащую в основе становления и распада авторитарных режимов советского типа.

УДК 316.75
ББК 71.4(2)

ISBN 978-5-98379-168-8

© 2000 by Mancur Olson
© Фонд «Либеральная миссия», 2012
© Новое издательство, 2012

Оглавление

<i>Чарльз Кадуэлл.</i> Предисловие	7	
Введение	22	
Глава 1	Логика власти	28
Глава 2	Время, изъятия и права индивида	53
Глава 3	Коузовский контракт, транзакционные издержки и анархия	71
Глава 4	Рациональные индивиды и иррациональное общество	92
Глава 5	Государственное управление и экономический рост	110
Глава 6	Источники правовой санкции и коррупции	121
Глава 7	Теория автократий советского типа	129
Глава 8	Эволюция коммунизма и его наследие	151
Глава 9	Следствия для случая переходных обществ	169
Глава 10	Какого рода рынки нужны для процветания	184

Указатель имен 209

Предисловие

Людей веками занимал вопрос о том, как соотносятся между собой власть и процветание. Примерно в 1340 году вожди Сиены, итальянской городской республики, заказали пару фресок именно на этот сюжет. Заказ выполнил художник Амброджо Лоренцетти, и две фрески, известные как «Аллегория благого правления» и «Аллегория дурного правления», до сих пор украшают зал, в котором проходили заседания правившего Сиеной Совета девяти. На этих работах в упрощенном виде представлены проблемы, которые рассматривает Мансур Олсон в работе «Власть и процветание».

На фресках Лоренцетти дурное правление, представленное фигурой Тирании, восседает перед разрушенными стенами города и вершит суд над рядом пороков: Жестокостью, Предательством, Обманом, Буйством, Разладом, Войной, Алчностью, Гордыней и Тщеславием. Вокруг каждой из этих фигур изображены сцены грабежа, войны, преступлений и попоранного правосудия. Живопись очень выразительна и ярка, как и требовалось от публичного искусства в Средние века. На противоположной стене изображено Общее благо, восседающее в окружении плодов благого правления, которые олицетворены фигурами Мудрости, Мира, Справедливости, Веры, Милосердия, Великодушия и Согласия¹. На фреске «Аллегория благого правления» выделяются две группы: группа солдат с пленными и, слева от них, группа советников. Именно эти два сюжета находятся в центре внимания книги Олсона: осуществление власти и роль граждан в этом процессе.

С фреской «Аллегория благого правления» соседствуют две другие: «Благополучный город» и «Благополучная деревня». На них изображено процветание, приходящее благодаря благому правлению. На фреске «Благополучная деревня» изображены тучные поля, усеянные жнецами, и ослы, легко несущие мешки с зерном вверх

¹ Подробнее об этих фресках см.: *Partridge L., Stern R. Arts of Power. Berkeley: University of California Press, 1992. P. 1–80.* О том, как функционировали коммуны в итальянских городах этого периода, см.: *Martines L. Power and Imagination: City-States in Renaissance Italy. New York: Knopf, 1979.*

по пологим холмам. Зерно свозят на рынок, изображенный на фреске «Благополучный город». Прочны и нарядны здания в этом городе, улицы многолюдны, повсюду танцоры и ремесленники. Эти фрески, возможно, были полезны для поддержания порядка в Сиене, но в 1355 году режим, их заказавший, пал, ослабленный чумой, нависшей внешней угрозой (со стороны Карла IV) и восстанием внутренних противников. Развитие Сиены было остановлено, благодаря чему нам достался настоящий город-музей, заповедник средневековой жизни, свидетельствующий о тщетности преподавания уроков благого правления, даже когда учебные пособия по размерам не уступают придорожным рекламным щитам.

Через шестьсот тридцать шесть лет после того, как были созданы эти фрески, вопрос одного журналиста заставил Мансура Олсона задуматься о том, почему процветание не наступило и после того, как рухнула система дурного правления. Лоренцетти дал аллегорический ответ, а Олсон посвятил жизнь размышлениям об источниках процветания и усердно изучал экономическую науку. В результате появилась эта книга.

Олсон указывает на условия, необходимые для экономического процветания: с одной стороны, защищенные и четко определенные права каждого на частную собственность и беспристрастное принуждение к соблюдению договоров, а с другой — отсутствие хищнического, грабительского поведения. Он отмечает, что эти условия с наибольшей вероятностью соблюдаются, а значит и дают наибольший экономический эффект в уважающих права демократиях, где институты устроены таким образом, что полномочия принимать властные решения принадлежат широким, а не узким интересам. Олсон полагает, что именно так должно быть устроено правление, необходимое для роста. Хотя может существовать система собственности и принуждения к исполнению договоров в малых группах или на изолированных рынках, сложные рынки, обеспечивающие рост, не могут возникнуть в отсутствие публичной власти (правительства). Без ограничений, обеспечиваемых политическими институтами демократии, трудно развить надежные системы собственности и обеспечения исполнения договоров.

При этом Олсон проявляет особое внимание к Советскому Союзу и образовавшимся на его месте государствам, но не обходит вниманием проблемы других регионов, где процветание пока еще остается труднодостижимой целью. Столь же выразительный в словах, как Лоренцетти в живописи, Олсон присматривается

к тому, что скрывается за «картинкой» и задается вопросом: почему некоторые правительства предоставляют поддерживающие рынок общественные блага (public goods), а другие подрывают перспективы процветания.

Если фрески Лоренцетти изображают итоги противоположных способов правления, то в спорах о посткоммунистическом устройстве государство и рынок нередко рассматриваются как исключающие друг друга, а не взаимодополняющие вещи. Хотя такое представление вполне объяснимо как реакция на историческую роль советского государства как антирыночной силы, но, Олсон отмечает, что такая позиция не особо помогает в понимании необходимой роли государства в тех странах, которые достигли процветания.

Различия в глубине посткоммунистического краха экономики и различия в темпе ее восстановления непосредственно связаны с тем, насколько сильным является государство и как оно использует свою власть. Уровень инвестиций, иностранных и отечественных, рост новых частных фирм и другие показатели достижений переходного периода зависят от того, в какой степени государство справилось с созданием эффективных базовых институтов и насколько ему самому удастся воздерживаться от хищничества. Если, заключив договор, вы не можете положиться на беспристрастность суда, или если судебные решения остаются на бумаге, если ни один значительный инвестиционный проект не может рассчитывать на успех, пока не привлечет в партнеры государство или высокопоставленных чиновников, значит государство не справляется со своей ролью. Получив этот общий вывод, Олсон обращается к тщательному исследованию стимулов, движущих теми или иными режимами, и к особенностям того, как власть взаимодействует с институтами, влияющими на рост.

Уже по завершении рукописи этой книги Олсон вывел формулу, подытоживающую его ответ на вопрос о том, какого рода правление необходимо для достижения процветания. Он заявил, что государство, достаточно сильное, чтобы создать и защищать права частной собственности и обеспечивать соблюдение договоров, но при этом стремящееся своими собственными действиями не нарушать эти права, будет *государством, дополняющим рынки (market-augmenting government)*. Вопрос о том, как именно создавать механизмы, дополняющие рынки, затрагивает массу вещей: от компетентности судов и принуждения к исполнению договоров до доступности образования и регламентации налогово-бюджетной

деятельности правительства. Проблемы, затрагиваемые формулой Олсона, имеют большое значение для широкого круга стран, решающих сегодня сходные задачи.

Рынок капитала и кредитов — это та сфера экономической деятельности, которая представляет собой особенно важный пример, демонстрирующий значимость государства как дополнения рынка. Внимание Олсона привлекла чувствительность этих рынков к институтам. По сути дела, он задал следующий вопрос: почему сегодня, когда технологии и институты позволяют триллионам долларов свободно пересекать границы, эти финансовые потоки в пределах некоторых стран превращаются в жалкие ручейки? Информация о структуре банков и особенностях банковского регулирования, а также о работе рынков капитала широко доступна, и бедные страны получают ее бесплатно (доноры тратят миллиарды долларов на предоставление экспертов и обучение чиновников тому, как устроены и работают рынки капитала и кредита). Вот что сказал Олсон, обращаясь к своим коллегам:

В большинстве процветающих стран рынки капитала, страхования, фьючерсов и производных ценных бумаг столь многочисленны и важны, а капиталоемкое и широко-масштабное производство ведется корпорациями с таким размахом, что в этих странах государство должно породить больше рынков, чем подавляет или вытесняет. Чистый эффект деятельности такого государства, очевидно, сводится к повышению масштаба рынков и увеличению выгод от торговли. Почему это должно делать государство? Исследователи либертарианского толка порой доказывают, что возможны частные механизмы принуждения к исполнению договоров. Однако мы знаем, что на практике защита прав собственности силами конкурирующих частных правоприменяющих агентств приведет к конфликтам... По сути дела, экономика, которая решится довериться частному правоприменению, может в такой степени утратить мирный характер, что станет невозможным существование спотовых рынков... Процветающие экономики нуждаются в государстве, дополняющем рынки².

---

² Из обращения к участникам конференции о государстве, дополняющем рынки. Осень 1997 года.

Последние недели своей жизни Олсон посвятил проверке своих идей на основе данных о финансовом крахе 1997 года в Индонезии, Корее, Таиланде и Малайзии. И хотя о событиях, послуживших началом этого финансового кризиса, написаны тома³, нет сомнений, что главный фактор, объясняющий различия между странами в глубине падения и, возможно, в скорости выхода из него, следует искать, обратив внимание на те вещи, которые Олсон объединил формулой «государство, дополняющее рынки»⁴.

Придя к выводу, что государство играет существенную роль, дополняя рынки, мы сталкиваемся со следующей проблемой. Даже если мы в состоянии более ясно представить себе то, чем именно государство дополняет рынки, все равно остается вопрос: как можно к этому прийти? Наблюдение Олсона, что демократии, уважающие личные права, сдерживают собственные хищнические устремления и защищают те самые права, оставляет открытым вопрос: откуда берутся эти уважающие права демократии? Разнообразие путей, пройденных добившихся успеха странами, открывает перед новыми реформаторами слишком большие возможности выбора — какому примеру следовать? При этом Олсон неоднократно отмечает, что из разнообразия примеров успешного роста следует вывод, что можно совершить множество разнообразных ошибок или не все сделать идеально правильно, но при этом рост все равно будет. Но все места, в которых длительное время имеет место последовательный рост, сходны между собой в чем-то главном, подчеркивает Олсон. Понять то, каким образом можно провести реформы, — это важная задача, но о ней еще впереди.

Разумеется, одним из объяснений того, как и почему изменяются институты, являются интересы власть имущих. В этой книге Мансур Олсон уделяет много внимания тому, как фискальная заинтересованность побуждает режимы изменять институты в направлении, способствующем росту. Он также объясняет то, как старение и проблема преемника ограничивают степень этой заинтересованности у авторитарных правителей. При всем при этом собственные интересы государств — это лишь частичный ответ на вопрос о том, как достигается совершенствование институтов.

---

³ См., например: *Radelet S., Sachs J. The East Asian Financial Crisis: Diagnosis, Remedies, Prospects // Brookings Papers on Economic Activity. 1998. January. P. 2–74.*

⁴ *Lanyi A., Lee Y. Governance Aspects of the Last East Asian Financial Crisis* (доклад, представленный на конференции IRIS в марте 1999 года).

В стремлении воздействовать на эти интересы книга Олсона неоднократно наводит на мысль, что важнейшим механизмом изменений является рост понимания и благоразумия со стороны элит как внутри, так и вне властных структур. Необходимы исследования, общение, обучение, развитие навыков и публикация новых идей о логике институтов и коллективного выбора.

Время от времени возникают возможности для проверки идей о том, как работают экономические и политические системы. В ходе потрясений, таких как крах советской модели, азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов (а в Индонезии еще и кризис передачи власти преемнику), возникают превосходные возможности поставить вопросы, которые в спокойные времена остаются в тени. Усилия по консолидации власти номинально демократическими методами требуют в первую очередь обращения к широким, всеохватывающим интересам. Такие возможности возникают в периоды, которые польский реформатор Лешек Бальцерович называет «моментами чрезвычайной политики»⁵.

Вопрос о том, как возникают более совершенные институты, актуален не только для развивающихся стран или стран, уходящих от коммунизма. Поскольку даже демократии склонны отдавать предпочтение узким интересам перед широкими (хотя и в меньшей степени, чем авторитарные режимы), Олсон пессимистично смотрит на типичные результаты деятельности государства. Сам он никогда не высказывал эту мысль в такой форме, потому что был человеком энергичным и верил в торжество понимания и благоразумия. Но он отмечал, что большинству из нас, даже живущих в условиях демократии (и особенно в условиях стабильной демократии), свойственно «рациональное неведение» («*rational ignorance*») во многих узких политических вопросах, которыми занимаются наши правительства⁶.

---

⁵ *Balcerowicz L. Socialism, Capitalism, Transformation. Central European University Press, 1995. P. 160–163 [Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох. М.: Наука, 1999. С. 167–172].*

⁶ Для каждого из нас в отдельности усилия, направленные на получение информации и участие в обсуждениях, являются слишком дорогостоящими по сравнению с индивидуальной выгодой каждого от попыток уменьшить искажающее воздействие мер политики. Иными словами, рациональность требует, чтобы мы оставались в неведении. При этом узкие группы интересов, которые получают выгоду от всех наших жертв (приносимых в виде налогов, завышенных цен или других эффектов, порождаемых теми или иными конкретными искажающими политическими мерами), всегда имеют мощные стимулы для того, чтобы организовываться и осаждают правительство требованиями, вовсе не заботясь об ущербе, наносимом остальному обществу.

Он доказал, что общества, стабильные на протяжении долгого времени, начинают страдать от своекорыстия узких особых интересов. Как же возникают более совершенные институты в отсутствие революций и других кризисов или даже в такого рода чрезвычайных обстоятельствах? Единого ответа не существует, но мне представляется, что противодействие ослабляющим и разлагающим устоявшимся практикам чаще возникает там, где публичные обсуждения и политические процессы отличаются большей открытостью, где больше возможностей для независимых исследований, где есть возможность для возникновения «кризисов», создаваемых новыми технологиями, и для конкуренции со стороны иностранных или других внутренних рынков.

По моему собственному опыту, в США, а теперь и во многих других странах, существенную роль может играть надежное научное знание об институциональных основаниях для достижения тех или иных экономических результатов — не то чтобы другие политические силы готовы были склониться перед доводами разума, но качественные исследования дают в руки мощный инструмент, без которого мало что можно противопоставить этим силам. Например, в США успех политики дерегулирования транспорта в 70–80-х годах XX века можно объяснить распространением информации об экономических издержках и институциональных механизмах, которая помогла покончить с разорительной, но поддерживавшейся влиятельными группами политикой⁷. В Непале выявление простых фактов о том, сколько времени и денег на взятки вынужден тратить бизнес для получения лицензий, помогло сократить время на ожидание разрешений с нескольких лет до нескольких дней. Знание деталей институционального дизайна было бы полезно в посткоммунистической России и Южной Африке после отказа от апартеида. Например, процессы, породившие в России плохо функционирующую, асимметричную структуру федерации, коренятся не только в исходном распределении экономических ресурсов, но и в решениях, определивших конституционное устройство, механизмы приватизации и процедуры выборов. Сегодня это понимание имеет чрезвычайно большое значение для Индонезии, а когда придет день, и Китай допустит в стране внутреннюю дискуссию, оно сможет повлиять на судьбу пятой части человечества. Именно в таком

---

⁷ *Robyn D. Braking the Special Interests: Trucking Deregulation and the Politics of Policy Reform.* Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

контексте, как надеялся Олсон, эта книга и ее ключевые положения смогут сыграть полезную роль.

В тех краях, где институциональное устройство в меньшей степени допускает изменения, в том числе в устойчиво бедных странах Африки и Южной Азии, а также в закосневших, хотя сравнительно богатых демократиях, шансы на то, что улучшенное понимание само по себе приведет к радикальным переменам, по-видимому, довольно ограничены⁸. Но это всего лишь подчеркивает то, как важно сосредоточить усилия на изучении и анализе этих издержек, и при этом уделять гораздо больше внимания и сил творческой работе по доведению этих результатов до элит и через них до массовых политических сил. Но это лишь некоторые наблюдения.

А как насчет дальнейшего развития теории, чего Олсон не успел и что предстоит сделать остальным? Если читатель является избирателем в бедной стране, ищущей свой путь, представителем какой-либо инициативной группы или государственным чиновником, какие вопросы должны встать перед ним в соответствии с логикой этой книги? Показателем достижений Олсона может служить то, что под его влиянием в центре общественной дискуссии все чаще оказываются очень важные вопросы.

С чего начинается переход к государству, которое в большей степени является дополняющим рынок? А точнее, что происходит с набором стимулов, направляющих действия режима?

Начали бы мы иначе мыслить о правильной последовательности реформ, если бы больше знали о процессе реформ?

Можно ли сказать, что для стран, стоящих на разных уровнях развития, нужны разные институты, дополняющие рынок?

Как воздействует региональная или глобальная интеграция рынков на требования к совершенствованию локальных

---

⁸ Джонатан Раух использует логику Олсона для описания политического тупика, в который зашла политика официального Вашингтона (*Rauch J. Demoscclerosis. New York: Random House, 1994*). Он не предлагает методов решения проблемы, но в конечном счете разрешение ситуации ему представляется так: недовольная публика требует от политиков делать то, что следует, только после чудовищного кризиса. Примеров реформ, не спровоцированных кризисом, крайне мало. Раух относит к их числу только Великобританию времен Тэтчер.

институтов? Увеличивается или уменьшается необходимость в более совершенных институтах по мере развития глобализации?

Какого типа конфликты и иные внешние воздействия затрагивают те или иные институты?

Насколько важны местные или «низовые» инициативы, если на национальном уровне нет интереса к созданию фундаментальных институциональных структур?

Каковы пределы саморегулирования частных усилий, направленных на предоставление услуг, дополняющих рынок?

После прочтения этой книги у читателей появятся свои вопросы и свои расхождения с автором. Это именно то, чего хотел бы и сам Олсон.

У многих исследователей есть... тяготение к мелочам, и в журналах появляются работы, в которых все, может, и правильно, вот только интересоваться этим нет никакого смысла. Как настоящий боец ищет слабое место противника, так и настоящий ученый ищет возможности прорыва, то есть такие области, где оправданы серьезные притязания. Поэтому я думаю, что поиск сильных и упрощающих утверждений — это хорошая стратегия для исследователя. Я льщу себя мыслью, что именно так всегда и поступал. И уж определенно это единственное, что мне хотелось бы делать⁹.

Сильная идея, содержащаяся в этой книге, соединяет в себе центральные темы политологии и экономики — власть и процветание. Большинству читателей, может быть, неизвестен тот факт, что две эти дисциплины длительное время недооценивали взаимосвязь между властью и процветанием, но Олсон и в этой книге продолжил дело своей жизни — утверждение политической экономии как центральной области приложения усилий исследователей общества и политических активистов. О его успехе свидетельствует широкое внимание к работам Олсона специалистов, не имеющих отношения к экономике, в частности, политологов и социологов.

9

Из электронного письма Аванишу Дикситу, июль 1997 года.

В своих исследованиях и публикациях Олсон двигался во многих направлениях¹⁰, но по меньшей мере одно поколение ученых запомнит его как автора работ о способности людей организовываться ради осуществления коллективных действий и предоставления групповых благ — от благ, используемых жителями примитивной деревни до повышенной заработной платы членов профсоюза или более предпочтительной для граждан страны политики правительства. Его первая и чаще всего цитируемая книга «Логика коллективных действий»¹¹ объяснила, почему группы зачастую не способны действовать в интересах всего коллектива и каким образом это в некоторых случаях удается¹². Его идея, ставшая столь неотъемлемым достоянием нашего интеллектуального инструментария, что кажется почти банальной, в свое время заставила пересмотреть многие привычные подходы. Будучи одной из первых классических работ в области экономической теории общественного выбора — или, как предпочитал говорить сам Олсон, «коллективного выбора» — эта книга породила целую отрасль деятельности, представляющую собой реакцию на нее, развитие и проверку ее идей. По мере того как другие ученые брались за расширение возможностей теории Олсона и применение ее к другим проблемам, стали проводиться соответствующие конференции и создаваться учебные курсы. Книга была переведена на девять языков. Об актуальности предложенного в ней подхода можно судить по накалу полемики вокруг ее идей.

Через двадцать и тридцать лет после публикации книги Олсона итоги дискуссий, возбужденных вышедшей в 1965 году работой, были подведены в книгах политолога Рассела Хардина и экономиста

---

¹⁰ Далее в данном предисловии прослеживается развитие некоторых идей Олсона, существенных для данной книги. Тем, кто еще не знаком с его исследованиями, будет полезно познакомиться с системой идей, которые сведены воедино в данной книге. Главный смысл этого изложения состоит в том, чтобы в рамках этой последней его книги дать читателю представление об основных работах автора, что может оказаться полезным в дальнейшем. Книга, которую вы держите в руках, вполне самодостаточна, и ниже следующее совсем не требуется для того, чтобы понять ее или получить от нее удовольствие.

---

¹¹ *Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups.* Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965 (= Harvard Economic Studies. Vol. 124).

---

¹² Детальный обзор вклада Олсона в понимание коллективных действий см.: *Azfar O. The Logic of Collective Action // Elgar Companion to Public Choice.* 1999. Мартин Макгуайр, коллега Олсона, написал более лично окрашенный обзор его профессионального вклада: *McGuire M. Mancur Lloyd Olson Jr. 1932–1998 Personal Recollections // Eastern Economic Journal.* 1998. Vol. 24. № 3. P. 253–263.

Тогда Сандлера, озаглавленных одинаково — «Коллективные действия»¹³. Почти через двадцать лет после публикации «Логика коллективных действий» Олсон развил эти идеи в применении к проблемам процветания народов в книге «Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз»¹⁴. Книга немедленно привлекла внимание, получила в 1983 году от Американской ассоциации политических наук премию им. Глэдис М. Каммерер, которой ежегодно отмечается лучшая книга по вопросам государственной политики, а также много положительных рецензий в широкой печати. Переведенная на двенадцать языков книга поднимает вопрос о том, каким образом логика коллективных действий может объяснить экономический рост и стагнацию различных политических образований. В ней Олсон, помимо прочего, вводит новую для себя идею, что группа с более широкими, *всеохватывающими* (*encompassing*) интересами будет проводить политику, в большей степени отвечающую общему интересу, чем группа с более узкими, особыми интересами.

Хотя предоставление общественных благ правительством по мере развития страны определенно играет роль в анализе Олсоном успешных рыночных экономик Запада, в середине 1980-х годов он обратился к вопросу о том, почему многие страны так и не могут избавиться от бедности. Первым общим изложением его идей по поводу проблем развития бедных стран стала опубликованная в 1987 году статья «Отсутствие экономии за счет масштаба производства и экономическое развитие»¹⁵. Здесь Олсон выдвигает предположение, что главная проблема бедных обществ состоит не в отсутствии ресурсов, а в трудностях организации крупномасштабной деятельности, в том числе и правительственной. Поэтому простое заимствование крупномасштабной правительственной структуры вряд ли приведет к более успешному производству общественных благ. «Какой бы ни была оптимальная роль государства в развитых странах, в развивающихся она меньше»¹⁶.

---

¹³ *Hardin R.* Collective Action. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982; *Sandler T.* Collective Action: Theory and Application. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1992.

---

¹⁴ *Olson M.* The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities. New Haven, CT: Yale University Press, 1982.

---

¹⁵ *Olson M.* Diseconomies of Scale and Development. Essays in Honor of Peter Bauer // *Cato Journal*. 1987. Vol. 7. № 1. P. 77–97.

---

¹⁶ *Ibid.* P. 96.

Позже в статье «Большие деньги под ногами: Почему одни народы богаты, а другие бедны», вышедшей в 1996 году, был дан более широкий анализ причин устойчивой бедности стран¹⁷. Здесь Олсон поставил вопрос о том, почему потоки людей, идей и капиталов не приводят к сближению уровней дохода в разных странах. С характерной для него яркой образностью он рассказывает анекдот об экономисте, который, увидев на тротуаре стодолларовую купюру, объясняет, почему он не нагнулся за ней — если бы она была настоящей, ее бы уже давно кто-нибудь поднял. Мы нуждаемся, размышляет Олсон, в более адекватном объяснении того, почему бедные страны оставляют без внимания валяющиеся под ногами деньги. Он отвергает объяснение, сводящее бедность к недостатку ресурсов (особенно человеческого капитала) и технологий. Способность и бедных, и небедных подбирать валяющееся под ногами богатство зависит от институтов и экономической политики, то есть от вещей, определяемых в первую очередь национальными границами. Он приходит к выводу, что лучшее, что может сделать страна — это «поумнеть». А это в большой степени зависит от того, смогут ли экономисты лучше объяснить то, как экономический рост зависит от структуры стимулов. Ошибочно, полагает Олсон, просто рассчитывать на то, что политический торг приведет к лучшему из всех миров¹⁸. Этот взгляд опровергается не только теорией, но и обилием примеров безысходной бедности многих стран мира. Эта идея развивается в третьей и четвертой главах настоящей книги.

В то время как другие спорили о том, является ли правительство частью проблемы или частью решения, Олсон уже давно обратился к более плодотворному вопросу: какого рода государство, какого рода государственные установления ведут к экономическому росту? Что значит «поумнеть»? Из чего это складывается? Вопрос распадается на два следующих: какие предоставляемые

---

17 *Olson M. Distinguished Lecture on Economics in Government: Big Bills Left on the Sidewalk: Why Some Nations Are Rich, and Others Poor // Journal of Economic Perspectives. 1996. Vol. 10. № 2. P. 3–24.*

18 Из статьи: *Dixit A., Olson M. Does Voluntary Participation Undermine the Coase Theorem? // Journal of Public Economics. 2000. Vol. 76. № 3. P. 309–335.* В ней Аваниш Диксит и Мансур Олсон развивают технический аргумент, доказывающий, что простое сокращение транзакционных издержек, связанных с участием в политике, не решает проблемы. Эта статья с вызывающим предварительным названием «Теорема Коуза в большинстве случаев неверна» утверждает, что даже при очень малых издержках коллективного действия было бы ошибкой распространять идею Коуза о рынках экстерналий на процесс политического торга.

государством услуги способствуют росту? Какой тип государства проявляет бóльшую последовательность в их предоставлении? Движение в этих направлениях и привело к созданию этой книги, а также к изобретению соответствующего термина — государство, дополняющее рынок. Те, кто знакомы с публикациями Олсона в профессиональных изданиях в последние десять лет¹⁹ или слышали его выступления, найдут в этой книге знакомые рассуждения. Использованные в ряде этих работ показатели институционального развития стали стандартными при изучении взаимосвязи между характером государственного управления и достигнутыми результатами.

В 1998 году Олсон внезапно умер, не успев окончательно подготовить книгу к печати. К счастью, он довел до окончательного вида последовательность новых и существенных аргументов, хотя, по собственному мнению автора, им еще предстояла окончательная отделка. Можно ли сказать, что аргументы в книге «Власть и процветание» в достаточной мере сильны и достаточно просто изложены, как этого всегда хотел Олсон? Я полагаю, что даже читатели, которые не согласятся с логикой книги, ответят на этот вопрос утвердительно. Хотя книга не завершена, не может быть сомнений, что в ней Олсон продолжает развитие своей революционной идеи.

Он получил много замечаний по поводу идей, изложенных в этой книге, и в последние месяцы жизни был поглощен ответами критикам и, соответственно, оттачиванием и укреплением собственных аргументов. В 1996 и 1997 годах Люксембургский институт европейских и международных исследований организовал два очень полезных семинара, посвященных этому кругу идей. Две группы экспертов, включавших, помимо экономистов, историков, социологов, политологов и ученых других специальностей, собрались в Вашингтоне и Бурглинстере (Люксембург) для обсуждения идей и деталей этой книги. Как и в случае с другими значительными книгами, институт вскоре опубликует ход обсуждения. Это послужит хорошим

---

¹⁹ *Clague C., Keefer P., Knack S., Olson M. Contract Intensive Money: Contract Enforcement, Property Rights and Economic Performance // Journal of Economic Growth. 1999. Vol. 4. P. 185–211; Clague C., Keefer P., Knack S., Olson M. Property and Contract Rights in Autocracies and Democracies // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1. № 2. P. 243–276; Olson M. Dictatorship, Democracy and Development // American Political Science Review. 1993. Vol. 87. № 3. P. 567–576; McGuire M., Olson M. The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force // Journal of Economic Literature. 1996. March. P. 72–96.*

дополнением к книге. Эти комментарии, так же как обстоятельные письма самому Олсону, свидетельствуют о том, что вопросы, поставленные им, трудны и сложны, а автор двигался в верном направлении. Среди важных исследовательских проектов, остановленных его внезапным трагическим уходом, был ряд исследований, подсказанных реакцией на черновые наброски этой книги, целью которых были развертывание и проверка изложенных в ней идей. Работа над книгой не была завершена, и некоторые вопросы остались без ответа. Таким образом, она представляет собой последнюю симфонию Олсона, не до конца отшлифованную, но это никак не умаляет ее значимости и способности доставить удовлетворение читателю.

В этой книге затронуты значительные сюжеты. Перед лицом происходящих в мире глубоких экономических и политических изменений, Олсон пытался понять не только конкретные изменения, но и лежащую в их основе логику событий, которая могла бы объяснить, почему примеры более успешных обществ никого ничему не учат.

То, что Олсон придавал такое важное значение поиску логики, не означает, что его привлекала теория ради теории. Теория развития необходима всем — политическим лидерам, ученым и внешним консультантам. Олсон трудился и писал для нас всех. В своих критических замечаниях по поводу работ некоторых своих коллег, при этом отчасти возражая и спонсорам, не желавшим выделять деньги ни на что, кроме прикладных исследований, Олсон отмечал, что «хорошая теория чрезвычайно практична». В этой книге он приблизился к теории, объясняющей основные функции государства и одновременно открывающей путь к улучшению результатов политики.

Исходя из своей уверенности в необходимости хорошей теории, в ее чрезвычайной полезности и практичности, Олсон в последнее десятилетие сосредоточился на создании Центра по изучению институциональных реформ и неформального сектора в Мэрилендском университете. Здесь у него была возможность рассматривать насущные проблемы в свете простых и действенных идей. Сюда, в Мэриленд, приезжали коллеги со всего мира, чтобы принять участие в решении запутанных проблем управления государством и роста экономики.

Мансур Олсон ушел от нас внезапно, не успев завершить дело своей жизни. Осталась недописанной эта книга, оборвались споры

и разговоры с коллегами со всего мира. Остались девятнадцать папок с разработками будущих проектов. Эта книга, как и многое из того, что делал Олсон, возбудит споры и дальнейшие исследования. Многим было известно, что ему нравились такие вещи. Он серьезно относился к каждому, кто приходил с вопросом, и к очень многим из задаваемых вопросов. Те из нас, кому выпала удача работать с ним, легко вспомнят вопросы, которыми он встречал наши замечания. Но это всего лишь воспоминания, бессильные воскресить его особый дар и энергию, которые делали общение с Мансуром столь интересным и содержательным.

Среди всего прочего этой книге недостает посвящения. Но из оставшихся после Мансура материалов, так же как из разговоров с его женой Элисон, ясно, что он посвятил бы ее своим троим детям — Эллике, Северину и Сандеру. Этим посвящением я и завершу предисловие.

*Чарльз Кадуэлл
Колледж-Парт, Мэриленд
Сентябрь 1999²⁰*

---

20 Это предисловие прочли и сделали свои замечания к нему Омар Азфар, Роджер Бетанкур, Энтони Ланьи, Питер Мюррелл и Элисон Олсон. Я благодарен им за участие, но ответственность за все недостатки несу самостоятельно.

Введение

Телефон зазвонил вечером 19 августа 1991 года, в первый день путча советских сторонников жесткого курса против Михаила Горбачева. Я был опечален событиями и смотрел телевизионные репортажи, из которых следовало, что путч оказался успешным. Звонил политический обозреватель, которому не терпелось задать ряд малоприятных вопросов. Не считаю ли я, что единственное спасение заглохшей советской экономики это диктатура, которая навяжет Советскому Союзу режим свободного рынка? Разве Чили в условиях диктатуры Пиночета, Южная Корея при Пак Чон Хи и Чон Ду Хване, Тайвань при Чан Кайши и его сыне, Сингапур под управлением Ли Куан Ю и материковый Китай при Дэн Сяопине не достигли быстрого экономического роста? Разве я сам не показал в книге «Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз» (1982), что в демократических обществах лоббисты и картели со временем делаются силой, тормозящей экономическое развитие? Разве при Горбачеве, как утверждают предводители путча, попытки демократизации экономики не привели к тому, что экономика начала разваливаться, а советские сателлиты бросились врассыпную?

Хотя разговор тянулся до тех пор, пока моя жена во второй раз не позвала меня к столу, я так и не смог дать обозревателю скандальные ответы, на которые он рассчитывал. Проблема была не столько в том, что я уклонялся от слишком поспешного анализа столь важных и сложных вопросов, хотя, так уж получилось, я и сам перед этим размышлял именно об этом. Проблема состояла в том, что я не знал ответов.

Вопросы, разумеется, так никуда и не делись, в том числе потому, что имели отношение к моей повседневной работе. Уже за несколько месяцев до этого телефонного разговора я стал участником проекта, нацеленного на разработку рекомендаций по экономической политике и институциональным реформам в бывших странах коммунистического лагеря и третьего мира. В Мэрилендском университете я создал Центр по изучению институциональных реформ

и неформального сектора (Center on Institutional Reform and Informal Sector, IRIS), финансируемый исключительно американским Агентством международного развития (U.S. Agency for International Development, USAID). За это время у моего Центра появились отделения или программы в сорока трех странах третьего мира и развалившегося коммунистического блока, и во многих из этих стран возникали вопросы, поразительно сходные с теми, которые задал мне газетный политический обозреватель. Например, некоторые индийцы говорили людям из IRIS о своем подозрении, что экономика Индии отстает от экономик Китая, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи, потому что Индия — демократическая страна. Эрудированный россиянин, который тогда был членом российского правительства, сообщил мне в Москве о своем опасении, что российская демократическая революция скоро созреет до «термидора», который с ней и покончит. Когда я наивно возразил, что именно вскоре после термидора Наполеон завладел диктаторскими полномочиями и начал завоевание Европы, он ответил мне, как будто говорил с младенцем, ничего не смыслящим в непростых делах этого мира: «Ну да, разумеется!» В качестве аналогии выступала если не Французская революция, то Веймарская Германия. Мне нужно было представить себе, что будет, если Наполеон или Гитлер завладеют огромными ядерными арсеналами Советского Союза.

Такого рода опыт помогает сосредоточиться, и в результате благодаря притоку информации из разных стран и сведений о выводах коллег, занимавшихся сходными проблемами, появилась возможность ответить на вопросы политического обозревателя. Самой большой проблемой оказалось отсутствие подходящего интеллектуального инструментария. В литературе не нашлось примера систематического понимания или удовлетворительной теории диктатуры и демократии, да и рынка тоже. К счастью, постепенно возникли соображения, необходимые для систематического понимания предмета. После этого было уже совсем не трудно выработать интеллектуальную схему или теорию, необходимую для ответа на вопросы политического обозревателя.

После этого возникло ощущение, что способность находить объяснения не знает границ. Будучи экономистом, я мог без труда соединить новую схему со стандартной экономической теорией и ответить на вопрос, как поставить экономику страны на путь процветания. Возьмите, например, вопрос о том, как в обществе возникает такая рыночная экономика, которая обеспечивает высокие

и непрерывно растущие доходы. Рынки существуют повсеместно даже в беднейших странах третьего мира. Стоит приехать в любой стране третьего мира покинуть аэропорт, и он оказывается в окружении бесчисленного множества бродячих торговцев и всевозможных лавок. Повсюду базары, наполненные хитроумными торговцами, и в любой деревне есть магазинчики, рынки или базарные дни. Однако экономика этих стран работает плохо, а люди бедны. После краха советской власти рынки расплодились как грибы. В Москве в начале 1992 года, сразу после освобождения цен, торговля велась буквально у каждой станции метро, а почти на каждом тротуаре выросли ряды киосков. Два поколения коммунистического воспитания не смогли вытравить дух предпринимательства, и в стране возникло множество стихийных рынков. Но при этом люди были бедны, а производство сокращалось, и не только в России, но и во многих других бывших коммунистических странах.

Из-за чего же некоторые рыночные экономики богаты, а другие бедны? Что должна изменить страна в своей политике и в своих институтах, чтобы от рыночной экономики, образуемой уличными базарами и торговлей вразнос, перейти к другой рыночной экономике, порождающей богатства как рог изобилия? Развивая теорию, отвечающую на вопросы политического обозревателя, эта книга дает достаточно обстоятельный ответ на вроде бы совсем другой вопрос: почему почти в каждой стране есть множество рынков, но богаты лишь немногие из этих стран?

Ответив на эти вопросы, мы без труда поймем, почему столь разными были результаты разгрома фашизма и краха коммунизма. В конце Второй мировой войны большинство наблюдателей полагало, что Западная Германия, Италия и Япония еще долго будут жить в нищете. В США многие были встревожены перспективой, что им еще многие годы придется снабжать эти страны продуктами питания, чтобы не дать их населению погибнуть от голода. Оказалось же, что стоило освободить побежденных от ограничений, созданных войной и оккупацией, и во всех трех державах Оси начался быстрый хозяйственный подъем. И эти три эпизода экономического роста оказались настолько необъяснимы с позиции тогдашних теорий, что о каждом из них говорили как об «экономическом чуде». А вот когда рухнул коммунизм, напротив, люди, насмотревшиеся на экономические нелепицы хозяйственных систем советского образца, как и большинство западных наблюдателей, ожидали быстрого и значительного улучшения экономических показателей.

Но во многих бывших коммунистических обществах экономические результаты оказались еще хуже, чем при старом режиме. Каждая из бывших коммунистических стран испытала если не полный коллапс, то существенное падение производства, и многим для восстановления потребовалось очень много времени. Хотя я убежден, что официальная статистика в бывших коммунистических странах сильно преувеличивает сокращение реальных доходов, и хотя лично я верю в хорошее будущее многих из этих экономик, нет сомнений, что их экономическая результативность оказалась ниже, чем ожидалось.

Значительное и никем не предсказанное различие между экономической динамикой стран Оси после поражения в войне и стран коммунистического блока после краха коммунизма особенно поразительно в свете того, чего хотели страны, победившие во Второй мировой войне. Какое-то время после окончания войны победители опасались, что в Германии и Японии опять возникнут агрессивные диктаторские режимы, а потому никто не хотел их превращения в сильные промышленные державы и даже, более того, многие были против сохранения их в виде единых государств. А вот победители в холодной войне, напротив, с самого начала хотели помочь бывшим коммунистическим странам построить успешные общества по западному образцу. Поэтому в этой книге поднимается вопрос о том, почему экономическая динамика в проигравших странах после поражения фашизма оказалась настолько лучше, особенно на фоне преобладавших ожиданий, чем после развала коммунистического блока.

Устранение железного занавеса открыло еще нечто такое, чего развитые страны Запада, как победившие, так и проигравшие во Второй мировой войне, совсем не ожидали: чрезвычайный размах коррупции среди должностных лиц и преступности мафиозного типа. Например, в России некоторые опросы показывают, что преступность и коррупция считаются самыми существенными проблемами общества. Хотя, разумеется, коррумпированные чиновники и мафиозные организации существуют и в большинстве стран Запада (а в больших американских городах уличная преступность, возможно, даже больше, чем в бывших коммунистических странах), но масштаб коррупции и организованной преступности в бывших коммунистических странах (и особенно в бывшем Советском Союзе) достигает невиданного на Западе размаха. Поэтому в книге ставится и вопрос о том, откуда в бывших коммунистических странах такой разгул коррупции среди чиновников и организованной преступности?

Книга сумела дать ответы на эти вопросы только потому, что, соединив стандартную экономическую теорию с интеллектуальной схемой, необходимой для ответа на вопросы того самого политического обозревателя, мы получили познавательную структуру, способную одновременно охватить проблемы и рынков, и политической организации обществ. Независимо от того, богато общество или бедно, в нем всегда есть и экономика, и политическая система. Экономика служит двигателем политической системы, а политическая система управляет экономикой. В силу этого теории рынков, не рассматривающие государство как и концепции политического процесса, в которых экономика считается экзогенным фактором, внутренне ограничены и несбалансированны. Они мало что могут нам рассказать о взаимосвязи между формой правления и судьбами экономики, и они не в силах адекватно объяснить, почему одни общества богаты, а другие — бедны.

Хотя Адам Смит, Джон Стюарт Милль и ряд других великих экономистов прошлых веков своим анализом охватывали не только рынки и фирмы, но и государство, и политические процессы, в XX столетии экономисты до сравнительно недавнего времени не дерзали на подобное. Первым великим экономистом XX века, который на это отважился, был Йозеф Шумпетер с его вдохновляющей и блестящей (хотя и не точной в предсказаниях) книгой «Капитализм, социализм и демократия». Желая подчеркнуть его вклад, я сначала назвал эту книгу «Капитализм, социализм и диктатура». Нынешнее название «Власть и процветание» было выбрано, чтобы сделать более ясной главную идею этой книги. Подзаголовок «Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры» был предложен Робертом Клитгаардом. Я благодарен ему за это не только потому, что слово «перерастать» одновременно содержит указание на развитие и рост, но и потому, что в нем содержится напоминание, что даже самые защищенные и развитые демократии нуждаются в более внушительном экономическом росте, чем диктатуры (с учетом начальных преимуществ и меньшего потенциала догоняющего развития). Если развиваемая в этой книге линия аргументации верна, то она ведет к существенным выводам для экономической политики развитых демократий в Европе, Северной Америке и Японии, так же как для стран, пребывающих в условиях диктатуры или недавно ее испытавших.

В этом Введении я заявил о серьезных притязаниях. Насколько они обоснованы, судить не мне, а рецензентам, читателям

и авторам будущих исследований. Если они необоснованны, я заслуживаю суровой критики. Хотя я основывался на работах других ученых и располагал огромным объемом бесценной информации, помощи и критического внимания коллег, особенно из числа сотрудников IRIS и факультета экономики Мэрилендского университета, за все недостатки этой книги и за все необоснованные утверждения ответственность несу лично и только я. Я буду благодарен каждому читателю, который проштудирует — с самым придирчивым и требовательным вниманием — нижеследующие страницы.